

overcome evil with Good» [електронний ресурс]. – Електрон. дан. – Режим доступу: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/messages/peace/documents/hf_jp-ii_mes_20041216_xxxviii-world-day-for-peace_en.html, вільний. Назва з екрану. – Мова англ.

21. Катехизм Католицької Церкви. – Синод Української Греко-Католицької Церкви, 2002 р. Б. – 772 с.
22. Спільна Декларація Папи Римського Франциска та Вселенського Патріарха Вартоломея I. Єрусалим, 25 травня 2014 р. // Світло з висоти. Християнська газета Спільноти Обнови у Святому Дусі. Римсько-католицька Парафія Воздвиження Святого Хреста в м. Фастів. – 2014. – №28. – С. 30–32.

Михайло Черенков (Львів)

УКРАИНСКИЕ ПРОТЕСТАНТЫ И РОССИЙСКИЕ КАТОЛИКИ: «ДЕЛО ЭКМАНА» И «ФАКТОР МАЙДАНА»

Українському протестантизму властива східна і західна традиція, що дозволяє йому відновити культурно-богословський зв'язок з європейським протестантизмом і католицизмом в контексті міжконфесійного діалогу, екуменічний потенціал якого виявив український Майдан Гідності.

Ключові слова: протестантизм, православ'я, католицизм, греко-католицизм, традиція, інклюзивна ідентичність, Майдан, практичний екуменізм, міжконфесійний діалог.

Mychailo Cherenkov

UKRAINIAN PROTESTANTS AND RUSSIAN CATHOLICS: «EKMAN CAUSE» AND «FACTOR OF MAIDAN»

Ukrainian Protestantism characterized by an eastern and western traditions that allows to recover cultural and theological relationship with European Protestantism and Catholicism in the context of interfaith dialogue. Dialogue has an ecumenical potential which was found by Ukrainian Maidan of dignity.

Keywords: Protestant, Orthodoxy, Catholic, Greek Catholic, tradition, inclusive identity, Maidan, practical ecumenism, interfaith dialogue.

Постсоветские протестанты, свыкшиеся за семьдесят лет сосуществования с атеистическим обществом, за годы украинской независимости открыли для себя свое иное – православную традицию. Далеко не сразу, но появились первые попытки осмыслить отношения между протестантскими и православными церквями как между другими, а не чужими. Однако православный другой – не единственный другой.

В диалоге с титульной конфессией упускается из виду разнородность самого православия (православные церкви – другие друг другу), а также сопричастие в том же культурном ареале католической и греко-католической церквей. Неединственность православия и его внутренняя разнородность должны быть особенно интересными для протестантов, потому что создают возможность для их конфессиональной прописки. Если говорить предельно просто, когда других уже несколько, то и на протестантов место найдется. Многообразие – факт, осмысление которого дает понимание прецедента и претензию на право.

Украинский протестантизм представляет собой синтез западной и восточной христианских традиций. Именно поэтому его главным другим является не православие, а католицизм, а ближайшим по способу связи традиций – греко-католицизм. Примечательно, что родственность протестантов с католиками и униатами хорошо понимают и подчеркивают в РПЦ, но сами протестанты эти связи осознавали слабо, до двух недавних событий. Определенный резонанс вызвало «дело Экмана» – переход в католицизм лидера неопятидесятнического движения «Слово Жизни», хорошо представленного в Украине. Новые возможности для сближения протестантов и УГКЦ открылись благодаря событиям киевского Майдана (ноябрь 2013 – февраль 2014). Для большинства протестантов оба события стали первой встречей и открытием «иноного», привлекли внимание к сосуществованию традиций, их специфичности и дополнительности.

В последние годы фиксируются значительные миграции между конфессиями и устойчивый рост «просто христиан», большинство из которых можно отнести к разряду «искателей». Эти тенденции свидетельствуют о реальном спросе на открытые и диалогичные отношения традиций, взаимно интересных и дополнительных.

Надо признать, что при кажущейся очевидности, диалогичность протестантской и католической традиции в церковном сознании вмещается с большим трудом. Удержать внутреннюю разнородность можно лишь в богословском метарефлексивном усилии.

Так баптистский исследователь Константин Прохоров приходит к выводу, что «Нисколько не отрицая значимости «инострального фактора» в формировании первых отечественных евангельско-баптистских общин, важно видеть их неоднородность, допускающую как прозападные, так и почвеннические тенденции, и примеры прямых или опосредованных заимствований европейских протестантских идей – уравнивать известной самостоятельностью «встречных течений» [8, 102]. И приводит в пример истории «обращения» Ратушного и Цимбала, впоследствии двух легендарных украинских штундистов. М. Т. Ратушный, вспоминая свою молодость, писал братскому меннониту Г.И. Фасту в Санкт-Петербург в 1893 г.: «...Начал я спрашивать у людей из немецкого племени (потому что я знал, что русский народ не знает про Бога и Его закон)... спрашивал

у них, как можно спастись... Встретился мне старик, немец покаянный, и тот мне сказал: купи Библию и читай... В 1857 году купил Библию, стал читать – что читаю, ничего не понимаю. Я обратился к тому старику, который советовал купить Библию, и он мне преподал наставление...» [8, с. 82–83]. А в 1869 году Ефим Цимбал упросил немецкого меннонита Абрама Унгера крестить его по вере. При этом Прохоров акцентирует тот факт, что «В результате Цимбал не становится членом какой-нибудь немецкой церкви, а несмотря на притеснения со стороны властей, основывает ряд самостоятельных украинских штундо-баптистских общин» [8, с. 84].

Иными словами, украинский протестантизм возник на перекрестье различных влияний, но не отождествился полностью ни с одним из них, удерживая их вместе и выражая релевантным образом в национальной культуре.

Поскольку сама Украина – синтетическое образование, лежащее между Европой и Евразией, Западом и Востоком, то и украинские церкви должны содержать в себе эту двойственность, синтетичность. Особенность протестантов в том, что, не отказываясь от восточной традиции, они признают главной традицию западную, сохранившую даже в названии вселенский масштаб, преемственность и возможность единства.

В поисках инклюзивной идентичности украинские протестанты восстанавливают культурно-богословскую связь с европейским протестантизмом, а через него – с католической традицией, от которой европейский протестантизм некогда отпочковался. В то же время протестанты осваивают (т.е. делают своей, отчасти, насколько это возможно) и православную традицию, остающуюся для украинцев титульной.

После Майдана конфессиональная карта Украины начала стремительно меняться. И уже не под давлением политиков (как в случае с проектами «единой поместной православной Церкви»), но под влиянием ожиданий гражданского общества и вследствие активности рядовых прихожан. После Майдана сектантскими оказались пророссийские Церкви, а Церкви проукраинские получили признание. Очевидно, что межцерковный диалог будет иметь большие последствия для самопонимания украинского общества как не-только-православного и для восприятия Церкви обществом через ее разные образы, ориентации по отношению к ней «жителей» и «искателей», околоцерковных и нецерковных христиан.

Надо признать, что и украинские протестанты, и (греко-)католики сторонились экуменических процессов, даже по отношению к ближайшим соседям по христианскому миру они оставались закрытыми и самодостаточными. Тем более примечательной стала публикация в евангельском журнале «Богословские размышления» (2014) документа

Всемирного совета Церквей, важного для развития экуменического диалога. Документ «Церковь: на пути к общей позиции» появился в 2013 году, как итог многолетнего опыта работы комиссии «Вера и церковное устройство» (The Church: Towards a Common Vision. Faith and Order Paper No. 214, Geneva, World Council of Churches (WCC), 2013). Кафоличность в нем толковалась не только как географический охват, но также как разнообразие местных Церквей и их участие в полноте веры и жизни, в койнонии [10, с. 185]. Примечательно, что последняя глава «Церковь: в мире и для мира» открывает гораздо больше экуменических перспектив, чем предыдущие, поскольку койнония в открытости другу другу и миру включает не только исповедание единой веры и совместное служение, но также разделяемые моральные ценности. Церкви смогут совместно выразить миру лишь то, что они разделяют во Христе и осмысливают во взаимном вопрошании и утверждении. Именно поэтому будущее экуменического диалога состоит в одновременном служении миссии и единству Церкви, именно поэтому важно находить возможность совместной позиции по общественным вопросам и совместного труда в представлении ценностей Божьего Царства [10, с.201–202].

Подчеркнутая значимость практического экуменизма в виде совместной социальной позиции далеко не случайна. Украинский опыт показывает, что общность не достигается путем богословских дискуссий, но дарится в ответ на синхронное христианское участие в экстремальных моментах общественной истории. Прецедентами общей позиции стали общественно-политические заявления Всеукраинского совета Церквей и религиозных организаций – консультативно-совещательного органа, который объединяет основных конфессии страны и в котором решения принимаются на основании консенсуса. Именно позиция ВСЦиРО стала референтной для самоопределения целых Церквей и гражданского выбора христиан в условия «оранжевой революции», а затем в событиях «революции достоинства».

Протестантско-католический диалог обладает значительным социальным потенциалом, религиозная инклюзивность может быть фактором социальной плюральности и динамики. Говоря об итогах Майдана для протестантов и их отношений с «другими», пастор Сергей Тимченко использует слово «синергия»: «Украинским и русским протестантам необходимо помнить об одном важном моменте, о том как они относятся к «другим»... Интересно, что в то время, как евангельские христиане теряют единство между собой, они находят общность взглядов с верующими других конфессий, в частности с православными и греко-католиками, стоящими на сходных с ними социально-политические позициях. В будущем данный феномен может привести к созданию синергии украинских христиан различных вероисповеданий» [11, с. 22–23].

Не только протестантизм, но и (греко-)католицизм связывает Украину с Европой. Как пишут украинские религиоведы, «В Бресте широко открывалось новое «окно в Европу» [4, с. 246]. Стоит признать, что за прошедшие столетия оба эти окна обществом практически не использовались. Сегодня европейский выбор Украины и «революция достоинства» возрождают запрос на «церковные окна» в Европу.

Стоит отметить, что в условиях церковного кризиса и возникающего «нецерковного христианства» становится особо значимым не только социальный, но и собственно экуменический потенциал протестантско-католических отношений.

Протестантски ориентированный католик Сергей Градировский выразил в своих вопросах сложную диалектику церковного, межцерковного и нецерковного образов современного христианства: «Подлинно ли мое движение, без лукавства ли оно, когда идя навстречу церкви, я удаляюсь от конфессионального в церкви? Как доверять эклисиологической строке символа веры, в смысле явственно, а не условно-символически видеть и действительно переживать «единую, святую, кафолическую, апостольскую Церковь»? [1, с. 42].

Перед лицом приближающегося пятисотлетнего юбилея Реформации рискну выразить мысль, что величайшей Реформацией, превзошедшей реформацию разделяющую, может стать реформация объединяющая. Если в 2017 году протестанты и католики вновь смогут объединиться, эта новая встреча изменит и тех, и других, создав непредставимую динамику для всего Тела Христова, воссоздав вселенскую Церковь в единстве ее многообразия.

Такая возможность должна рассматриваться вполне серьезно – и в диалоге церквей, и в личном выборе «уже-жителей» разных традиций и «еще-искателей». Вполне возможно, что реформирующее сближение между протестантами и католиками, между украинскими евангельскими протестантами и греко-католиками будет происходить не на уровне богословских комиссий и предстоятелей, но на уровне ежедневного выбора миллионов «христиан традиции» и «просто христиан». Примером этого может быть поступок Ульфа Экмана, который сделал личный выбор в пользу воссоединения с католической традицией, не отказываясь при этом от духовных благословений протестантизма и опыта своей жизни в нем.

Еще до своего перехода в католицизм епископ неопятидесятичного движения «Слово Жизни» задавался вопросом о временном и комплиментарном характере протестантских «пробуждений», их жизненной связи с древом единой католической традиции: «Не следовало бы движениям пробуждения присоединиться к чему-то большему ради сохранения их своеобразия..?» [6, с. 357]. «У каждого течения есть одна вещь – не вся полнота – и помазание на выполнение одной конкретной задачи – а не всех сразу. У каждого

движения есть свое время, но оно не бесконечно. В радостной встрече Иоанна с Христом заложен пророческий смысл: встреча целого с частью, встреча общего с конкретным обогащает обе стороны. Пробуждение, олицетворенное Иоанном и его служение, – это нечто нужное и важное, в идеале ведущее к обогащению и углублению христианского опыта во всем Теле Христа» [6, с.359–360].

Своим решением он сделал шаг навстречу общему будущему, когда «Христианство личного покаяния» и «христианство воспитания и традиции» – внезапный и долгосрочно-перспективный элементы – дополняют друг друга. Личное и коллективное должным образом сложатся и обретут свой истинный смысл. Образуется простор и для произвольных действий Духа, и для живой и глубокой литургии богослужений и молитв. Тогда индивидуальная инициатива объединится с иерархическим духовным руководством... Внутренняя жизнь и социальная активность смогут взаимно дополнять друг друга. Миссионерство и созерцание взаимно переплетутся», – так он описывал встречу двух традиций внутри своей личной жизни [6, 366–367].

Весьма примечательно, что протестантский лидер не повел по этому пути всю свою конфессию. Тем самым он адресовал свой жест не столько иерархам разных конфессий, сколько рядовым верующим в их личном выборе. Думаю, «искателям» это понравилось. И не только «искателям», тысячи членов украинских церквей «Слово Жизни», поддержали выбор Экмана, хотя и не вышли из своих общин. Это значит, что они приняли правду католицизма (глубину корней, открытие мистического измерения христианской жизни, красоту литургики и проч.), оставаясь при этом протестантами. В определенном смысле они могут быть названы римо-протестантами, т.е. протестантами, возвращающимися к диалогу с Римом, в пространство кафоличности.

Точно так же тысячи протестантов, прошедших через Майдан, сделали свой личный выбор и распознали в (греко-)католиках своих братьев. Многие пасторы назвали героями нашего времени кардинала Любомира Гузара и архиепископа Святослава Шевчука. Протестантов и греко-католиков объединили евангельские ценности свободы и правды, а также активная патриотичная позиция. Свою солидарность с ними проявили и верующие УПЦ (КП), и римо-католики. В связи живых людей проявилась связь традиций востока и запада, православия и католицизма, а также «пограничных», сложносоставных, инклюзивных Церквей – греко-католической и протестантской.

Очевидно, что в современном мире значение индивидуального выбора в пользу инклюзивной идентичности, межцерковного христианства будет возрастать, и предстоятели Церквей им управлять не смогут. Если раньше миряне задавали вопрос о диалоге и единстве Церквей самим же Церквям (т.е. их священнослужителям), то теперь все изменилось. «Искатели» вопросов не задают, а если задают, то сами на

них и отвечают. Предстоятели Церквей из ответчиков стали наблюдателями. Инициатива перешла к простым христианам. Теперь возникают не нормативные вопросы «можем ли мы молиться вместе с протестантами?» или «есть ли рожденные свыше среди католиков», а вопросы на прояснение смыслов и последствий уже случившегося: «Как меняется представление о Церкви с учетом, того, что церковные стены уже стали прозрачными, что ощущается связь сразу с несколькими традициями, что пережитый духовный опыт единства уже не вмещается в привычные конфессиональные рамки, что духовный поиск ведет дальше и христианство более не понимается как житие в доме, но как путь паломника?».

В то время как протестантизм открывает свои духовные корни, глубину, историю, католицизм становится евангельским. Здесь они могут послужить друг другу, а самое главное – нашим современникам. Простота и глубина, Евангелие и традиция интересны и действенны вместе, не порознь. Их диалог и есть тот самый путь к единству Церкви в многообразии ее актуальных конкретно-исторических форм.

Посилання

1. Градировский, Сергей. Церковная археология // Церковь вчера, сегодня и завтра. Доклады международной богословской конференции, ДХУ, 25–27 апреля 2013 г. – Черкассы: Коллоквиум, 2014.
2. Мананников, Игорь. Греко-католичество в России как гипотеза (http://www.religare.ru/2_23871.html)
3. Панич, Елена. Секта или Церковь? // Богословские размышления. Спецвыпуск. Библия. Богословие. Церковь. – 2013.
4. Стоколос Надія, Шеретюк Руслана. Драма Церкви. – Рівне: ПП ДМ, 2012. – 348 с.
5. Шліхта, Наталія. Церква тих, хто вижив. Радянська Україна, середина 1940-х – початок 1970-х рр. – Харків: АКТА, 2011. – 468 с.
6. Экман, Ульф. Духовные корни. – М.: Золотые страницы, 2012. – 376 с.
7. Arjakovske, Antoine. The Role of the Churches in the Ukrainian Revolution // ABC RELIGION AND ETHICS, (<http://www.abc.net.au/religion/articles/2014/03/06/3958163.htm>)
8. Prokhorov, Constantine. Between the West and East. Notes on the origin of the evangelical movement in Russia // Theological Reflections. #13. – 2012.
9. Proshak, Vitaly V. From Civil Spring to Democratic Summer. Constitution, Human Rights and Freedom of Religion in Eurasia. – Oisterwijk: Wolf Legal Publishers, 2014. – 244 p.
10. The Church: Towards a Common Vision // Theological Reflections, Special Issue on Contemporary Ecclesiology, 2014.
11. Tymchenko, Sergiy. The Current and Possible Impact of the Ukrainian Crisis on Ukrainian Protestants // East-West Church and Ministry Report. Summer 2014. Vol. 22, No.3.